

Олег Андреев

МАНОК
НА
РЯБЧИКА

Олег Андреев
Манок на рябчика

«1000 бестселлеров»

2019

УДК 82-32
ББК 84-44

Андреев О.

Манок на рябчика / О. Андреев — «1000 бестселлеров», 2019

ISBN 978-5-00144-004-8

«Манок на рябчика». Виктор Монахов, кинорежиссер и по совместительству отец-одиночка, решает, что его любимой дочери Анне после окончания тяжелого первого курса университета необходим простой пляжный отдых на море. Аня, привыкшая к экстремальному активному отдыху, не хочет без толку валяться на пляже, но противиться отцу не в ее правилах. Она соглашается, при этом тайно замыслив женить отца и найти себе «маму». Для этого Аня выбирает для отдыха Крым: так ей будет проще. Однако это забавное приключение принимает самый неожиданный оборот... «Короткий вариант». Повесть основана на реальных событиях. Действие происходит в начале 1980-х. Работникам геологоразведочной экспедиции необходимо перегнать новый автомобиль с базы на участок. Чтобы сэкономить время, они решают ехать коротким маршрутом, тем самым грубо нарушая установленный порядок...

УДК 82-32

ББК 84-44

ISBN 978-5-00144-004-8

© Андреев О., 2019
© 1000 бестселлеров, 2019

Содержание

Манок на рябчика: повесть для кино	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Олег Андреев

Манок на рябчика

© Андреев О., 2019

© ООО «1000 бестселлеров», оригинал-макет, 2020

Манок на рябчика: повесть для кино

Монахов спал почти целый день. И в аэропорту на регистрации, и на посадке в самолет, и в полете, и в такси, и даже в переходе с самолета на такси... Спал...

Проснулся он, войдя в номер отеля, когда услышал нетревожный шепот моря через открытую балконную дверь, такой знакомый, такой давно не слышанный, но приятно щемящий сердечко.

У каждого моря свои звуки, но шумки Черного он узнал бы и будучи слепым. Хотя здесь и не родился, но с двух лет и до восемнадцати каждое лето, все три месяца, а то и более проводил в Крыму, у тетушки, и по праву считал Черное море родным.

Он волнительно шагнул к балкону и остановился: вдруг не то теперь... голос прежний, а картина... всё ведь меняется... А он не хотел, чтоб менялось, стоял и не решался шагнуть дальше, вытирая платком капельки пота со лба.

– Пап... Чего ты тормознул?

Девятнадцатилетняя дочь Аня стояла сзади и ворчала в спину. Он не вслушивался, только слышал слова-звуки и мгновенно отмечал, что именно на эти звуки можно не реагировать.

– Я тебя прошу, – продолжала Аня, – не расслабляйся сейчас, пожалуйста...

– А зачем мы сюда приехали?

– Я имею в виду не в данной точке – возьми три шага вперед или вправо.

Монахов послушно сделал три шага вперед. «Боже ж мой! Неужели! Не меняешься. Ну, здравствуй, родное мое, здравствуй!» Он настежь распахнул балконные двери и глубоко-глубоко, насколько вместили легкие, вдохнул воздух детства и юности. Солнце шло уже к закату, чередуя на поверхности воды теплые розовые и нежно-лимонные мазки. Гурзуф в закатных лучах фосфоресцировал, а Медведь-гора, напротив, выглядела бурой и шерстяной, вполне под стать гигантскому зверюге.

Монахов напивался увиденным молча, положив кисти рук на перила балкона, и трудно было понять: то ли он шурится от еще не скрывшегося солнца, то ли улыбается. Аня тоже подошла к перилам, оперлась на них и долго смотрела вдаль. Дочь здесь была впервые, а отец незаметно скосил глаз, чтобы понять, завораживает ребенка или нет, и, убедившись, что всё-таки завораживает, удовлетворенно обрадовался.

– Это Медведь-гора, да? – Анька указала рукой на Аю-Даг.

– Она самая. Красиво?

– Здорово! Только на медведя не похоже.

– Девочка моя, существует легенда, что медведь вышел к морю, опустил туда голову и окаменел. Вот, смотри – отчетливо вырисовывается его спина и задняя часть...

– Да... Крупненький... А отчего окаменел?

– Хотел выпить море...

– Но мы его одурнули? Да, пап?

На лице девочки сияла вполне откровенная улыбка.

– Как здесь красиво! Значит, здесь водится счастье и можно маяться дурью с утра до вечера? У тебя дурь есть, кстати?

Последнее она спросила заговорщическим шепотом.

– Есть, – прошептал Монахов в ответ, – целых пятьдесят два килограмма.

Вернувшись в номер, Аня осмотрела недолгим критическим взглядом обе комнаты люкса, чмокнула, подняв вверх большой палец, и сразу же быстро и ловко принялась распаковывать вещички и раскладывать их по полочкам шкафа. Монахов же стоял столбом посреди комнаты, будто действительно впал в ступор. Аня между делом, держа в руках какую-то

одежду, вызываяще посмотрела отцу в лицо. Предупредив назревший вопрос дочери, он бодренько предложил:

– Пойдем-ка лучше окунемся.

– Нет, пап, сегодня еще пока без меня, – с досадой выдохнула Аня, – Я пойду в душник окупусь. А ты дерзни, дерзни, тебе полезно...

Монахов дерзнул... А что тут, собственно, дерзить – спуститься к морю, пересечь почти пустой пляж босиком по галечке... Ноги в воду, постоять по пояс, напиться солью, как в детстве говорили... И голос двоюродного братца откуда-то: «Витек! А слабо баттером сотенку, а? Чего ты там мямлишь, давай!»

«Давай, Серёня...» Правильный гибкий бросок вперед, в теплый бархат черноморской воды. Пару метров кайфового скольжения, и сжатые ноги махом дельфиньего хвоста, выталкивают тело наружу. На глубоком вдохе руки, выворачиваясь, выбрасываются вперед; мощный гребок, второй, третий, и слезы счастья растворяются в бесчисленных кубометрах Черного моря. Вот он, полный возврат в юность!

Тетушка в ту дивную пору работала в Никитском саду, там же и жила в уютном служебном домике. Старший родной брат Костик и двоюродный Серега были одногодками и большими затейниками, а его, младшего, всюду за собой таскали. А когда Костя повзрослел и в Крым ездить практически перестал, Серега обзавелся беленькой «копеечкой». Вот на ней-то беспечно исколесили весь полуостров, отметились в самых значных местечках от Черноморска до порта Крым и от Джанкоя до Севастополя...

После восемнадцатого лета, как раз перед армией, больше недели в году Монахов не отдыхал. Только сейчас ведь дошло: в шипящей морской воде. Отдыхать не было ни времени, ни желания. И в Крым его не приглашали: тетя Сима давно вышла замуж за своего мюнхенского коллегу-ботаника, и Серега уже вполне баварский бургер. Не отдыхал – значит не уставал. Работенка у тебя, дорогой мой, вполне отдыхая, экспедиции почти все летом – не каждому так везет...

На курорт бездельничать он сподвигнулся исключительно из-за дочери. Аня честно отработала первый, самый сложный, курс института. Отцу показалось, что даже повзрослела и не по-детски устала. Непременно на курорт, на море: солнечные ванны, купание, здоровое питание, морской воздух! Отец знает, что делает, и лично проконтролирует весь процесс сам, не доверяя никаким родственникам и подругам.

Вот такое непростое решение принял Виктор Станиславович Монахов в отношении своей дочери Анны Викторовны. Дочь не стала противиться, хотя и представить не могла, что будет лежать на пляже каждый день, глазеть на окружающих, регулярно посещать места общественного питания, курортные развлечения и всё такое прочее. И не могла представить только потому, что никогда этого не делала.

Аня Монахова – девочка не усредненная, и по большей части потому, что выросла без мамы и мамы не помнила. Копание в ячейках памяти, кроме необъяснимого притока нежности извне, ничего не проясняло. Мама ей часто снилась, только Аня не знала, взаправдашняя это мама или сказочная. Она не знала о матери ничего, это не обсуждалось в их семье никогда и никем. До пяти лет она еще задавала вопросы бабушке и няне и слышала в ответ: «Так сложились обстоятельства, девочка моя». Маленькая Аня не знала, что такое «обстоятельства», но фразу эту запомнила на всю жизнь. А когда она узнала, что такое «обстоятельства», ничего не изменилось, раз они уж так сложились... И бабушка ушла из ее жизни слишком рано, и в няне она давно не нуждалась. Она безоговорочно доверяла отцу и не задавала вопросов, даже когда мама снилась: обстоятельства есть обстоятельства.

Жизнь без мамы не «утрудняла» ее, как подростка, но действие свое имела. Это не проявлялось в мимике и движениях, но сердце... Все, кто знал Аню хорошо, считали ее вполне «железной» девочкой, но «железных» девочек не бывает: по словам сведущих людей, металлы

не увязываются с девичьей природой. Став уже вполне взрослой, она прекрасно понимала, что в жизни может быть всякое, что не одна она такая в мире подлунном и что родителей может не быть вообще, но эти знания были киношные, книжные, какие угодно, но все же абстрактные. Ведь не умерла же мама! Она пыталась даже выяснить через двоюродных братьев (у дяди Кости и Лены напрямую не решалась), но братаны в один голос говорили, что ни дядя, ни тетя ничего не знают, и говорили уверенно. Аня чувствовала, что не врут. Пыталась выяснить и у подружки Лорки, которая была по совместительству дочерью папиного друга и знала, под каким градусом можно об этом у папани выведать, но и Лоркины предки говорили только одно: тайна, покрытая мраком.

«Может, я инкубаторская?» – спрашивала Аня в отчаянии и себя, и братьев: рожают же из пробирки, ведь папа никогда женат не был. «Какая, на хрен, инкубаторская?» – смеялся братец Болек, – ты ж похожа на отца». «Каким местом?» «Не знаю каким, но это совершенно очевидно, что ты дочь своего отца», – отвечал братец Лёлек. Пик выяснений пришелся лет на пятнадцать: чем старше Анька становилась, тем меньше выясняла. А в «дочери своего отца» были и свои плюсы. Папина дочка априори обладала куда большими правами на авантюризм. Здоровенького, спортивного ребенка возить на морские «лечения» необходимостью не было, а двоюродные близнецы, старше ее на пять лет, считали своим долгом, обязанностью, но больше, конечно, удовольствием таскать сестру по всяческим экстримам, таким образом проводя досуг и отдых одновременно. Сестра очень гармонично вписывалась в их компанию, и посему троица эта стала практически неразлучна, как только Ане исполнилось одиннадцать лет, а частенько к ним примыкала и подружка Лорка. Монахов, в пределах разумного, ничего дочери не запрещал и вполне доверял своим племянникам, но в этот раз настоял на своем.

Болек и Лёлек, как называла братьев Аня (на самом деле – Антон и Максим), собрались на рафтинг в какое-то очень модное норвежское место. Намылились, по обыкновению, и Аня с Лорой, но Монахов увидел в дочкиных глазах усталость и настоял на относительном спокойствии, хотя бы на пару недель. Все участники вояжа наперебой доказывали непонятливому отцу, что пассивный отдых гораздо хуже активного, но тот был непреклонен, настаивая на возможности на солнышке греться, а не преодолевать героически пороги какой-то бурной речки с ледяной водой хрен знает на какой посудине. На что экстремалы хором ответили «ну-ну!» и удалились – не без помощи Монахова. «Желаем тебе прэлэстного отдыха!» – получила она незамедлительную смс. На что ответила: «Отольются кошке слезки!» Кого она имела в виду под «кошкой», и сама не определила, но уж никак не отца: хотя бы потому, что «кошка» женского рода. Отца она обожала, если не боготворила. Он был абсолютно всем для нее, и если в кои-то веки он не принимал тему, то Аня перечила отцу только для вида. Если он сказал «нет!», то для нее это означало «нет!». Придется греться. Но из пляжного отдыха решила извлечь прямую выгоду, иначе она не была бы Аней Монаховой. И выгода лежала, можно сказать, на ладони...

Дело в том (так опять же сложилось), что чужие мамы были, словно по наитию, мамами положительными, почти во всех, как ей представлялось, отношениях. Она не завидовала, но было очень приятно находиться в их ауре, иногда поговорить даже об откровенном, и Аня частенько досадовала, что в их доме такой атмосферы не было. Она не могла уяснить себе, как это её любимый папочка, такой красавец, такой атлетически сложенный, умный, обаятельный, знаменитый, наконец, живет без женщины, пусть без мамы, раз уж так сложились обстоятельства, но без жены, без ее ласок, милых капризов – почему? Это просто по-человечески тяжело. Она говорила об этом и с братьями, которые с ней соглашались. Но, например, Макс, говорил, что дядя Витя все свои связи от нее тщательно скрывает, дабы не воздействовать на ее, легко ранимую, психику. «С чего ты взял, что у меня легко ранимая психика?» «Это не я взял, это дядя Витя так считает».

«Это он сам тебе сказал?» «Разумеется, нет, но ты у него одна, Энн. Ты для него *всё*, понимаешь?» Аня понимала. И много об этом думала. Буквально накануне папиного решения

двинуть на море греть кости ее посетила мысль, что она ведь может связать свою судьбу с кем-то, пусть не сегодня – пусть послезавтра, а отец тогда зачахнет и... От последнего ее слегка передернуло: «А вдруг именно тогда он и женится! И всё это будет без меня, я уже буду свою семейку создавать! Нет уж! Пусть я эгоистка, пусть я неблагодарная дочь, но я приложу все усилия, я поставлю вопрос ребром». Она рисовала картинки, как ставит вопрос ребром, как залезает в папину душу и каким будет папино лицо...

Монахов изучал и показывал Ане красочные проспекты всех популярных побережий планеты не один день, получая в ответ вполне вникающий вид. Но на самом деле Аня уже решила, куда ехать и на сколько. Она выбрала южный берег Крыма. Там ей было бы проще, с точки зрения языка и ментальности, осуществить свои тайные мечты. Аня прекрасно знала, что отец Крым любил, проводил там много времени в юности, а она не была ни разу, что там вполне можно убить двух зайцев сразу, а если повезет, так и трёх.

– Пап, – сказала Аня во время очередного просмотра проспектов, – я вот тут шарила в Интернете, и мне приглянулся Крым, в частности вот «Ай-Даниль». Я тебе сейчас покажу...

Аня потянулась за ноутбуком.

– Можешь не показывать, я прекрасно знаю, что такое «Ай-Даниль»... Но Крым... Как-то простенько, Ань? Не находишь? – Не нахожу... А зачем усложнять. Я, между прочим, там не была. К тому же родной язык, напрягаться не надо. Полный пансион опять же. Кухня привычная. Поехали на месяц? – Вот даже как? На месяц? Ну, если ты хочешь, всенепременно...

– Пап, я очень хочу...

Последнее подкупило любящего отца: решение было принято, бронирован люкс с видом на море...

Вернулся Монахов с моря взбодренный, порозовевший, какой-то иной, излучающий вечную молодость. Аня, хотя и валялась на диване с читающим видом, но искоса внимательно оглядела папочку и высмотрела некий восторг во всём его внешнем облике. Значит, не зря она всё это замутила. Она читала вызволённый из самолета журнал, но не очень внимательно. Заметные перемены во внешности отца занимали ее гораздо больше и до того увлекли, заводя мысли далеко вперед, что его образ стал даже мерещиться в журнале. Аня проморгалась и вдруг ясно увидела, что образ не мерещится. Со страницы на нее смотрел папа под заголовком: «Тайны Виктора Монахова».

– Ты же не даешь интервью, пап... – автоматически вырвалось из ее уст.

– Что-что? – Монахов не расслышал. Он сосредоточенно выбирал себе футболку.

– Нет, ничего, – тихо пробурчала Аня, впившись глазами в статейку.

Пока она читала, Монахов надел футболку, уселся в кресло, наполнил стаканчик минералкой и, делая небольшие глотки, внимательно посмотрел на читающего ребенка. Аня опустила журнал, глубоко выдохнула и устала на отца.

– Что ты так смотришь?

– Смотрю... Тебя водичка взбодрила, а меня вот журнальчик раскуражил слегка...

– Опять ужасы какие-нибудь?

– Вот, смотри. «Тайны Виктора Монахова». Статейка госпожи Зайцевой.

– А! Это ж надо так назвать... Ну-ну... И какие тайны?

– Да никаких... Я уж думала, что-нибудь интересное, а там – что снимаешь, что собираешься снимать. Скучно... Верен ты себе, пап... А почему, кстати, ты интервью не даешь? Понты?

Монахов, улыбаясь, смотрел в Анькины пытливые глаза и не знал, что ответить. Не давал и не давал, просто так, без причины, не хотел и всё...

Журнал с громким шлепком упал на столик.

– Пусть будут понты. Если тебе так хочется, я не против.

– Нет! Мне хочется, чтоб ты дал! Чего-нибудь такого наврал, как все. Про жену, про детей.

– Про тебя врать не хочу.

– Про жену наври... А чего ты не женишься?

Вот так! Откуда ни возьмись... Без иронии, между делом, почти как «почему ты не купишь новую машину». Она никогда не задавала такого вопроса... Но Аня сверлила глазами отца, перейдя из лежачего положения в сидячее. Они смотрели друг на друга долго, словно играли в переглядки.

– А чего ты не отвечаешь? – Аня сдалась первой.

– А надо отвечать?

– Желательно...

– Тебе, значит, надоело ухаживать за немощным папашей...

– Это не ответ – это вопрос...

– Это предположение...

На самом деле Аня испугалась. Она хотела спросить, давно хотела, но не в такой обстановке и в несколько иной форме, а вот вырвалось, глупо сорвалось с мерзкого языка. Ответа мало-мальски серьезного явно уже не будет, но и испуг показывать ей не хотелось. Проще свести к шутке, розыгрышу, во всяком случае пока.

Монахов отвечать не собирался, он не ждал такого вопроса в лоб, он вообще не хотел такого вопроса. Конечно, очень глубоко в душе можно было предположить, что когда-нибудь подобное прозвучит, но чтобы вот так, чтобы здесь, чтобы сейчас, на голодный желудок, в конце концов... Он поднялся с кресла, подошел к шкафчику с вещами; не контролируя свои действия, начал перебирать футболки.

– Пап, что ты там ищешь?

– Футболку...

– Ты уже в футболке... Папочка, не стоит так волноваться. Я всё знаю... Мне Костя всё рассказал.

А вот это выстрел в спину. Холодный пот резко выступил на челе, рука подленько подавалась на левую сторону грудины... – Что... Рассказал...

– Что у тебя есть девушка, Людмила. Ты хочешь связать с ней свою судьбу... Но из-за меня...

– К-какая еще Людмила? Что за бред?

Анька засмеялась.

– А! Испугался! Ну, я пошутила, пап... Ой! А чего ты так прямо за сердце-то? Что тут такого-то? Рыльце в пушку, что ли? – Какое рыльце?! Ты как с отцом разговариваешь?

– Как всегда.

Анька быстренько подсела к отцу, обняла за плечо, на другое склонила буйную голову и миленько промурлыкала что-то. Она обычно так делала, когда чувствовала за собой вину. Не хотела задавать этот чертов вопрос и симпровизировала о какой-то Людмиле, но вопрос повис в воздухе и будет теперь висеть ружьем на сцене... И, что самое поганое, никогда об этом не думал. Женишься... Почему не?... Жил, работал, вкалывал без отдыха, и вот здрасьте...

Вместе с тем представилось, и довольно живо, что Аня скоро вырастет, выйдет замуж. Да что там скоро! Это может случиться уже вот! И он останется один... Тьфу-тьфу-тьфу! Пронеси, Господи! Оттяни этот период на подольше...

– Ой, пап! – Анька вскочила с кресла, подошла к шкафчику, пошарила рукой по верхней полочке, потом повернулась с вытянутой рукой. На её ладони лежала небольшая жестяная коробочка из-под леденцов... Монахов в нахлынувшем вдруг приступе негодования громко хотел открыть рот, но, видя перед собой вопрошающие, сияющие неподдельным детским добром Анькины глаза, только выдохнул глубоко. В коробочке лежал его талисман, к которому с

некоторых пор не то что никто не прикасался, а он сам брал его в руки только в те минуты, когда было совсем хреново, когда что-то откровенно не клеилось. И талисман спасал. Спасал всегда. Еще теплилась надежда, что Аня нашла только коробочку и не открывала, но слабая надежда, очень слабая.

– Ты где это нашла? Открывала?

– Она из сумки выпала... Открыла, да. А это что за штука такая? Свистулька, что ли? Она не свистит...

Зачем? Зачем ты взяла это в руки? Это нельзя, понимаешь?! Смысла исторгать из уст весь негативный словесный поток уже не было – только расстроятся оба. Если талисман попадет в чужие руки, пусть даже в руки самого близкого человека, то силу свою потеряет, но, возможно, он даст силу тому, в чьи руки попал. Сказки? Может быть... Но опять же – почему-то здесь и сейчас...

Монахов обреченно улыбнулся.

– Это манок на рябчика...

– Зачем он тебе? Ты же не охотник?

– Талисман.

Он протянул манок Ане.

– Держи... Вот сюда дуй, а эту дырочку закрой большим пальцем.

Анька дунула. Торжественно прозвучал призывный клич рябчика-самца.

– Теперь он твой, Анята... Только никогда никому его даже не показывай и, уж тем более, в руки не давай.

– Пап, ты прости... Ну я не знала, пап... Я... Я...

– Ладно... Чего теперь...

Анька поцеловала отца в щеку и снова дунула в манок.

– А он прикольный такой... Я на шею повешу, тут и скобка есть...

– Как я не хочу, чтоб ты выросла... Знаешь, как не хочу!

– Да я и не буду! Если не хочешь, не буду... Кста-а-ати... Давай вставай! Ужин уже начался! Кушать хочется... А то ослабнешь тут с тобой...

Несмотря на мозжечковые расстройства, аппетит у Монахова совсем не испортился, даже стал зверским. Питание – штука деликатная. Когда всё непонятно вокруг, питание должно питать. А хорошая пища расставляет клетки по нужным ячейкам, сглаживая негативные моменты. И сам процесс удивлял. Обычно деликатно – вилка, нож, манипуляции, а сегодня без ножа и жадно. И Аня задорно уминала вторую тарелку со шведского стола...

Монахов дождал вкусный кусок рыбы с овощами, взял в руку стакан морса, запивая, оторвал глаза от тарелки и увидел за Анькиной спиной человека, улыбавшегося лицом старого друга Коли Баранова. Столь густой растительности на лице и крайней степени прокопченности Монахов у друга никогда не наблюдал, но тем не менее это был Коля. Загорелый бородатый Коля.

– Красиво! Я бы даже сказал, удивительно и убедительно!

Баранов, сверкнул недавно обновленными белейшими зубами. Аня вздрогнула от его баса и осторожно обернулась, внимательно разглядывая пробасившего над ухом...

– Ой! Николай Эдуардович... Это вы? Добрый вечер! А борода вам того... идет... Вы тоже здесь отдыхаете?!

В ее голосе звучало неподдельное удивление. Подруга Лорка (дочь Баранова) не говорила, что отец собирается в Крым. Впрочем, Аня и сама от всех свой Крым решила скрыть по непонятной для себя причине – решила и всё: они в Норвегию на пороги, а я вот не уточняю, куда именно. Лорка училась с Анькой в одной школе, правда, годом старше, и это сближало их гораздо теснее, чем отцов – друзей и коллег еще со студенческих времен. Девчонки были очень схожи по фактуре и темпераменту. Но если у Аньки иногда были недлинные приступы

лености, например полежать-почитать, то Лорке такие не были присущи почти никогда – абсолютно неусидчивая приключенческая девочка на шарнирах. Единственной ее слабостью был торт «Птичье молоко»: она могла схрюпать два больших торта сразу и совершенно впоследствии не набрать ни грамма веса. Это был единственный способ ее утомить. Пока она ела торт или была в предвкушении подобного действия, она была безопасна. Всю остальную пищу она ела бесстрастно, кривилась, иногда просто надкусывала и отодвигала. Поэтому Баранов с такой неподдельной теплотой и взирал на задорно жующую Аню.

– Я не отдыхаю, Анечка, я в экспедиции... Уже почти месяц... Можно подумать, твой папа об этом не знал.

– Насколько мне было известно, место вашей экспедиции...

– Да всё правильно, Вить, – Баранов не дал закончить мысль... – Переиграли в последний момент, поменяли на Крым. Мне оно лучше, но сначала было дороже. Потом на уступки пошли. Между прочим, Витюша, я случайно узнал, что ты здесь появился. Подхожу к администраторше по делу, а она мне выдает... Удивился страшно, что ты именно сюда. Но это ж и хорошо... На ловца и зверь бежит.

– Вот так вот, Николай Эдуардович, кому Норвегия, а кому и ловцы со зверями. Что там, Лора, готовится?

Обмакнув в сметану кусочек блинчика, Аня нежно погрузила его в ротовую полость, чмокнув от удовольствия. Баранов, присев на свободный стул и глядя на Аньку, почти прослезился.

– Лора уже готова... Золотая ты всё-таки девочка, Анята. И кушаешь хорошо, с аппетитом. Это от природы или воспитание такое?

Аня улыбнулась.

– Вы меня спрашиваете? Спросите лучше папу.

– Да что папа, ты бы хоть на Лорку повлияла, что ли. Пристыдила бы: мол, я ем, а ты клюешь.

– Братцы в Норвегии на нее повлияют...

– Ой, не повлияют, Анюточка.

– Повлияют, еще как, она их слушается.

– Она в Норвегию не едет, – страстным шепотом сообщил Баранов.

– В смысле?

Аня чуть не поперхнулась и вся внимание уставилась на Николая.

– Вальюшка тут моя оплошала слегка: поддали где-то на работе, она пришла домой и постирала Лоркин загранпаспорт вместе с курткой и телефоном.

Теперь от смеха чуть не подавился Монахов.

– Представляю, что там было! Жива Валька?

– Очень смешно... – фыркнула Аня.

– Даже не представляешь, Витя. Хорошо, меня не было... Валька-то жива, а эта на мать даже смотреть не может, вот сюда прилетела дней десять назад.

– Ну, Николай Эдуардович! Чего вы раньше-то молчали!

– Вот я и говорю... Повлияй... Она там... в бильярд играет.

Коля вяло махнул рукой в направлении бильярдной.

Аня вскочила, не допив чай, и шагнула в направлении его руки.

– Вот оно, дурное влияние... Только, Анята, не шибко там удивляйся... У нас там уха-жер. Одиннадцать лет...

– Что одиннадцать лет? В возрасте разница?

– От роду одиннадцать лет.

– Шутите? Как же он играет в бильярд-то? С приступочки, что ли?

– Вот иди и погляди – с приступочкой или без приступочки...

Аня проворно упорхнула в сторону бильярдной, а Монахов словно прилип к стулу, отяжелев после приема пищи. Он совсем не хотел вставать.

– Вот такая Кострома, брат, – глубокомысленно вздохнул Баранов.

– Никола, только не скажи, что тебя всё это так уж сильно напрягает...

– Не скажу. Съёмка удачно идет. От безделья маюсь, Вить, третий день, Ульяновца жду. Но завтра утром прилетает. А послезавтра с утра на Тархан-кут, на недельку примерно... Компанию составите?

– Не, Коль, я пас. Я это всё видел и неоднократно. В моих дебильных планах простой незатейливый отдых. И Анька тоже пусть лежит, пусть жрёт, зад пусть наедает, а то как велосипед.

– Так... Виктор. Ты на детей давай не грехи. Девки у нас удались, слава богу. Давай-ка, братец-кролик, пройдем-ка в местный бар. Очень достойное заведение, на свежем воздухе. Там поговорим, обсудим...

– Начинается!..

– Поверь, Витюша, старшему товарищу: когда это кончится, значит, ты умер.

Баранов говорил вполне убедительно, настроение прекрасное, а когда человек сыт, то и накатить чуточку не помешает. – Ладно, Николенька, пойдем. Пропустим. Посплетничаем.

– В такой замечательный вечер, Витюша, нужно пить именно хороший коньяк. Сейчас ты это прочувствуешь.

Коля держал в ладони пузатый коньячный бокал. Красиво держал, словно ласкал. Его приятный густой бас убеждал даже Монахова, не большого поклонника коньяка.

– Кстати, насчет незатейливого, как ты выразился, отдыха, – наставительно говорил Баранов, – ты когда-нибудь лежал на пляжу две недели кряду? Я сразу отвечу: не лежал. А вот я лежал в позапрошлом году в Испании. Да еще с Валюшкой со своей. Ну, день-два это еще можно вытерпеть. И дело не в Валюшке – она не раздражает. Но присутствует... А будь я на Брянщине или на Смоленщине... Понимаешь, о чем я говорю? Понимаешь... А я был в Испании, с женой, языковой барьер, и то разбирает, как Савраску. Но там хоть жена под боком. А ты холостой мужик, у себя, можно сказать, на Родине... И неужели ты, Витя, грешным делом не захочешь скоротать вечерок с прекрасной дамой у Черного моря? Захочешь, брат, не возражай. И куда ты денешь свою красавицу дочку? Ну, допустим, ты перевоплотился на две недельки в Железного Феликса. Будешь возить дочь на экскурсии и рассказывать ей вечерами всякие поучительные истории. Учти, у *нее* кавалер появится уже завтра. Вот она тебя, папашу, возненавидит-то! Чего ты, скажет, козел старый, не женишься! Что ты меня всё время опекаешь!

От этих слов содержимое бокала резко опрокинулось внутрь монаховского организма, он слегка поморщился.

– Сказала уже... Не далее как полтора часа назад.

– Ну вот! – Коля широко развел руками. – Что и требовалось доказать. Понял? И если Анька узнает, а она уже знает, что мы едем в красивое место, где она могла бы побыть в обществе подружки, поплавать с аквалангом, посмотреть подводный мир, под чутким руководством инструкторов и меня, конечно... И на съемках у меня никаких возлияний! Это ты знаешь...

– Ты, конечно, хитер, братишка Думпси, но я уже понял, куда ты клонишь.

– Ты от вопроса-то не уходи, хотя куда ты денешься...

– Денусь, Коля. Анька устала, понимаешь, вот просто по-человечески устала. Тяжелый институт, первый курс...

– Понимаю... Только они уже в бильярдной всё обсудили. Лорка даже своего юного уха-жера берет. Одиннадцать лет мальчику, а мама его отпускает.

– При чем тут мальчик, Коля?

– Может, мальчик и ни при чем, но не отпустишь – устанешь сам...

Вот тут Монахов, пожалуй, согласился.

– Так я тебя убедил или нет?

– Вот что мне тебе сказать, Коля... Конечно, не убедил... Но уломал, потому что ты прав, как всегда... А как ты красиво начал... Женщины! Брянщина, Смоленщина... Но только на неделю! Никаких задержек! И чтоб там они не голодали, я тебя очень прошу.

– Задержек не будет – контракт жесткий, а с питанием можешь быть спокоен...

Целебная влага в виде коньяка подействовала на организм вполне благотворно, но по мере проникновения алкоголя в кровь Анькин вопрос о женитьбе снова начинал сверлить мозг. «Неправильно всё это. Неспроста. Что-то здесь не так. А что не так? Всё как раз именно так. Девочка выросла без мамы и ни разу не спрашивала про нее. Может быть, не спрашивала у меня? А Костя, Лена, Настя... У них она могла спрашивать. Но я бы тогда об этом знал. Кто-нибудь обязательно проговорился бы. Нет, пусть поплавает, действительно, с аквалангом... Успокойся...»

– Коля... Скажи мне честно... Как ты думаешь тяжело: девчонке без матери?

Баранов сразу не ответил. Он наполнил опустевший бокальчик товарища, потом сделал какие-то странные движения пальцами левой руки.

– Я не девчонка... И мама у меня есть... И у Лорки есть... Но, думаю, нелегко, конечно...

– Да... А я об этом не думал... И даже появись у меня жена, она бы не стала Ане матерью. Может, я debil, Коля?

– Вить, ты меня прости, может быть, я крайне неделикатен сейчас, но мы тут вдвоем с тобой, никто не слышит... У нее же есть мама?

– Нет у нее мамы.

– Тогда – debil... Но ты сам напросился. У нас дети без мамов пока не рождаются. Без папов еще могут, а вот... Ай, ладно, не хочешь – не говори... Но учти: слухами полнится земля, дойдет и до Аньки рано или поздно.

– Какими еще слухами?!

Монахов совсем не предполагал, что о нем ходят какие-то слухи.

– Такими простыми человеческими слухами. Ты же прессу не балуешь личной жизнью.

– А я не хочу никого посвящать в свою личную жизнь.

– У вас это семейное, кстати. Твой покойный батюшка тоже вас всех оберегал, как мог.

– И правильно делал!

– Да я ж не спорю! Вить! Ты еще подумай, что я тебя осуждаю тут!

– Коля, дорогой, вот на тебя я точно не думаю...

– Слава те... Но во Франции-то ты шесть лет работал? Работал. Из Франции приехал с кем? С ребенком. Без жены. Вырастил Аню один. Вот о загадочной её маме-француженке и слухи. Был бы я сейчас трезв, я не стал бы поднимать эту тему, но ты сам первый начал... А поскольку я не совсем трезв, я тебе скажу больше... В начале мая я общался с нашей небезызвестной мадам Ломбер. Приехала с Каннского фестиваля... Изабелла Марковна рассказала мне лично, что, будучи в Каннах, общалась с французами, и зашел разговор о твоей персоне, и некая дама очень подробно расспрашивала о тебе, о тебе лично, с пристрастием. Цитирую Марковну: «Ее глаза выдали мне всё. Я всё прекрасно поняла...»

Во Франции он работал по приглашению компании «Гомон». Впахивал по контракту. Но Монахов именно такой работы для себя и искал, чтобы можно было погрузиться в материал, а кроме этого только есть и спать. Два сложных сценария в соавторстве с Домиником Парийо довольно успешно воплотились на экранах. Пятилетний контракт закончился, но совсем неожиданно предложили написать еще одну работу, уже самостоятельно.

С Домиником Монахов работал не без помощи переводчика, а недавно вдруг осмелел и решил написать сценарий полностью свой и на французском языке, обсудив предварительно

заявку с одним из продюсеров. В случае удачи светил неплохой гонорар, но дело было даже не в гонораре – он жаждал работать.

Монахов снял небольшую, но очень милую квартирку в Провансе, с видом на море, чтоб спокойно там пописывать, полностью погружаясь в язык. В Париже он вряд ли бы смог работать столь плодотворно один. Там постоянно куда-то дергали, да и русские там периодически бывали, отвлекая от языка. Шесть лет он не был в России, матери и брату звонил редко, опять же чтобы не слишком общаться на русском. Вот переклинило овладеть в совершенстве французским!

Он, однако, не совсем угадал с идеальным местом для работы. Язык шел прекрасно, а вот море расхолаживало. Всё время хотелось нырнуть в пучину или шляться по берегу, а вечером празднично дефилировать по шумной набережной Сент-Максима, глазеть на людей, набираться впечатлений непонятно каких. Работал только ночами...

Неделю назад он поставил точку и собрался в Париж показать работу корректору. Но совсем уж неожиданно позвонили со студии и сообщили, что корректор приедет сам. Почему и отчего он спрашивать не стал, тем более, такой вариант Монахова устраивал куда больше. Когда разговор с продюсером закончился и трубка еще пикала в руке, Монахов приятно удивился такому отношению к своей персоне. Это льстило... Но может быть, он не так понял Шарля... Хотя ничего мудреного тот не говорил... Монахов положил трубку на рычажок. В конце концов, у них свои правила. Уж куда лучше работать здесь, нежели в душном летнем Париже. Он не знал, кто именно из корректоров приедет, – не так уж это было и важно, но когда пред его очи предстала Жюли Санчис, откровенно удивился и еще больше обрадовался. Во-первых, Жюли была лучшим корректором компании, во-вторых, они были немного знакомы, в-третьих, он испытывал к ней только положительные эмоции. Он, конечно, не знал и не думал, что Жюли приехала сюда только ради него, что она сама оплатила отель, что она...

До этого Монахов встречал Жюли несколько раз в студии, а один раз на какой-то вечеринке. Знакомы они были очень шапочно, а теперь вот целую неделю бок о бок должны были приводить сценарий в порядок. Но Жюли всё сделала за два дня, констатировав, что ей очень приятно и просто работать с ним, что его ждет большое будущее, что он умеет делать роскошные подарки.

– Жюли, – удивился Монахов, – но я не сделал тебе ни одного подарка.

– Ты подарил мне целых пять дней на маленькие человеческие шалости. Студия оплатила мне неделю. Всю неделю я должна работать, а благодаря тебе я уложились в два дня, потому что ты всё правильно сделал, ну, почти всё...

– И поэтому меня ждет большое будущее?

– И поэтому тоже...

– Будешь валяться на пляже?

– Отчасти – на пляже. И вообще, я хочу веселиться... Составишь компанию?

– О! Жюли! Я не отказываюсь составить компанию, но я скучный человек.

– Именно поэтому ты уехал из России, да? Там, говорят, не скучно...

Жюли приподняла папку со сценарием, с иронической улыбкой потрясла ей.

– Я это читала, Виктор, не забывай. Здесь всё написано. Может быть, я выгляжу дурочкой, но я не совсем дурочка. У тебя в голове полный рок-н-ролл, какая-то странная злость, и в то же время поиск космоса. Скучный человек пишет по-другому, Виктор.

Она так забавно, непривычно для слуха, выговаривала его имя, совсем не по-французски, делая ударение на *и*, а две последних буквы почти глотая.

– Давай завтра возьмем в аренду машину, – предложила Жюли, – я покажу тебе Прованс. Здесь чудесные места – Арль, Бормес, Сен-Тропе... Или ты везде уже побывал?

– Не везде... Но зачем твои пять дней убивать на дороги и всякие достопримечательности?

– А! – Жюли вскрикнула и очень эмоционально захлопала в ладоши. – А кто-то только что представлялся скучным. – Хорошо, сдаюсь. Ну нереально вас, женщин, обмануть. Послушай, уже девятый час, пойдем поужинаем. Здесь есть очень интересный ресторан, там русская кухня.

– Русский ресторан? Здесь, в Сент-Максиме?

– Не русский ресторан, но есть русская кухня... Я подожду на улице...

– О'кей! Я быстренько...

Монахов стоял возле отеля и курил. Был прекрасный теплый вечерок, солнце уже садилось, подкрашивая небо в красно-лиловые тона. Городок утопал в вечерних улыбках, приправленных запахом магнолий. Монахов себя не видел, но чувствовал, что тоже улыбается, просто так, от сердца, от простого человеческого уюта. «Как она сказала: в голове рок-н-ролл? Забавная девчонка, слышит мою музыку, значит, всё-таки есть музыка». А девчонка уже с пару минут смотрела на него через окно холла отеля, не решаясь подойти, не решаясь встать с ним рядом, и не потому что раздумала идти на ужин или еще почему-то. Она влюблялась, и с каждой секундой все клеточки тела пропитывались этим токсином. Жюли понимала, чувствовала восьмым чувством, что всё неправильно, что, даже если они будут близки, он никогда не будет на нее смотреть так, как она на него сейчас. Он иной, он другой, он наполненный; в его взгляде есть нечто такое, чего она никогда не узнает, а он познал, и с этим живет, и об этом думает. Но все чувства Жюли до восьмого уже наполнились этим ужасным ядом. И началось это наполнение не сейчас и не вчера, а тогда, с их первой мимолетной встречи в Париже, в студии. Она пыталась отмахнуться еще тогда от навязчивых мыслей. Она работала, она развлекалась, находила себе разнообразные утехи, говорила себе: «Успокойся, забудь, мало ли, чей образ промелькнул перед тобой. Взвесь на весах, ты же вполне прагматичная парижанка, за тобой ухаживают не самые плохие мужчины». Она честно взвешивала, но каждый раз, когда видела Виктора, весы эти безнадежно ломались. А когда узнала, что Монахов уехал в Прованс, даже несколько обрадовалась: теперь можно успокоиться, взять себя в руки. И она взяла. Внешний раздражитель отсутствовал – можно дышать спокойно, время лечит и всё такое прочее... И вот Шарль Леви просит откорректировать сценарий господина Монахова. Жюли была уверена, что Монахов просто пришлет сценарий и будет ждать результатов, но Леви сказал, что Виктор приедет сам и работать они будут вместе. Был еще только полдень, когда Леви сообщил ей «радостную» новость, но весь остаток рабочего дня пошел насмарку. Она празднично слонялась по студии, потом пришла домой и поняла, что ни в какие руки она себя не взяла, что это не руки, а крюки, что время, оказывается, доктор не самый лучший или его еще не так много прошло. На следующее утро она зашла к Леви в кабинет и прямо с порога сказала, что чертовски устала, что ей необходим внеплановый недельный отпуск на море и что там, на Лазурном Берегу, она обязательно навестит господина Монахова и сделает все, что от нее требуется, но с еще большей эффективностью. Против большей эффективности Леви возражать не стал, подписал отпуск за свой счет и сообщил Виктору, что лететь в Париж не нужно, что корректор приедет к нему сам. Подробности с отпуском Шарль, разумеется, опустил, только пожелал удачи.

Монахов повернулся на девяносто градусов ко входу в отель. Жюли, заметив это, сделала первый шаг навстречу. Она была по крови нечистой француженкой – отец был испанцем. От отца она унаследовала темные, почти черные, глаза, темные волосы, очень правильную форму губ и довольно большой нос, который ее совсем не портил напротив, подчеркивал породу. Во всем остальном Жюли была француженкой...

Бывают женщины шикарные, роскошные, аппетитные, красавицы со всеми прилагательными. И мужчины, если они, конечно, не до конца виртуальные, волей-неволей замечают таких женщин, не могут не заметить, хоть на самый малый уголок. А француженки... пресловутые французские француженки... Нет в них сногшибательной красоты, привлекательной пышности, розовой аппетитности, яркой роскоши или какой-нибудь неременной тайны с загадоч-

ной изюминкой... В них нет ничего! И есть всё! И вот этот контраст между всем и ничем не замечается, он *отмечается*... Не «ах!», не скос глазного яблока, а реальная оценка. Оценить способен не каждый, и оценка может быть невысокая. Но сам факт – оценка! Чтобы вздохнуть вслед, нужно только увидеть, – чтобы оценить – нужно внять, а внимание – это уже процесс. Вот этот самый процесс и пошел, когда Виктор увидел идущую к нему небыстрыми шагами Жюли. Темно- синие, свободные, расклешенные книзу, шелковые брюки, нежно-голубой с белыми разводами блузон из легкой ткани, и уголком на голове белоснежный военно-морской берет. Стиль, легкость, столько страсти в ее глазах. Он, словно дикий хищник, чуял движение. Он просыпался. Он столько лет пробыл в летаргическом сне, а сейчас просыпался...

Они пили кофе в аэропорту Ниццы. Монахов добавил в кофе сливки, маленький кусочек сахара и вяло поводит ложечкой в чашке.

– Не могу пить кофе со сливками или молоком, – говорила Жюли, – должно быть, это вкусно, но мне почему-то претит. – А меня почему-то греет...

Жюли улетала в Париж. Монахов не хотел, чтобы она улетала. Он не говорил ей об этом, он теперь боялся остаться один, как боится человек, с которого сняли гипс, ступать на сросшуюся ногу. Жюли пробудила его к жизни, а теперь уезжала. Да, нога срослась, можно двигаться, пусть пока прихрамывая, но не в статике. Он прекрасно это понимал. Жюли говорила, что очень скоро придет, что всё теперь в жизни будет по-другому, чтобы он без нее не грустил. Он не грустил он не хотел, чтобы Жюли уезжала... Не хотел выходить из терминала, садиться в такси, собираться с мыслями... И в квартиру не хотел входить, казалось что в ней душно, несмотря на устроенный им сквозняк. Что-то внутри говорило: пойди, прогуляйся вдоль моря, немного успокойся. А с другой стороны – хотелось и уснуть, но невозможно засыпать в десять вечера...

На телефоне мигал сигнальчик автоответчика. Монахов включил запись. Голос брата срочно просил позвонить в Москву. Непривычна уже стала русская речь, хотя Костя звонил чуть больше месяца назад. В кои-то веки брат с женой, отправив детей на дачу с бабушкой, собрались к нему отдохнуть. Монахов ждал их через две недели. Почему срочно? Не срастается опять что-нибудь... Он набрал номер и услышал только одно предложение: «Срочно, как можно скорее вылетай в Москву. У мамы инсульт, всё очень плохо...»

Не проскочило даже ни одной мыслишки, не успело. Сработала вбитая в голову жесткая морпеховская реакция на нештатную ситуацию, щелкнул слегка поржавевший тумблер.

«Быстро ты, однако», – вскользь заметил Костя, встречая брата в Москве уже в шесть утра. Странно, но никакого ощущения шестилетней разлуки у Виктора не было. Не было его и у Кости. Они шагали к машине на стоянку, будто виделись вчера. Костя возбужденно говорил: «Я ничего не понимаю, Витюша, ничего не понимаю, что происходит... Произошло... В общем, вчера... Нет, позавчера, конечно... звонит мне соседка мамина, тетя Паша, говорит: «Костя, что-то случилось, мама не открывает дверь...» Я говорю: «Она на даче». Паша говорит:

«Костя, я еще в своем уме, мама приехала сегодня утром, попросила у меня чемодан на колесах. У меня, говорит, большой слишком. Я говорю: да, у меня есть, сейчас достану, буквально через полчаса звоню в дверь – ни звука». Я не стал выяснять, прилетел, открыл дверь... Мама лежит на полу, в сознании еще была, пыталась что-то мне сказать, показалось, что вроде бы тебя звала, может, показалось, не знаю... Ну, скорая приехала, увезли в реанимацию, сейчас она без сознания... Там Ленка дежурит, в больнице. Я только одного не понимаю – я же в пятницу на даче был, продуктов привез, вечером уехал. Раз она куда-то собиралась, она бы сказала, уехала бы со мной. Там на даче няня есть... И вот те на... Тетя Паша говорит, волновалась: она очень, к родственникам, говорит, собралась. Ты помнишь, чтоб мама когда-нибудь волновалась? Я что-то не помню... Да к каким родственникам, Витя?! К Симе, в Германию?! Но это я бы знал! А волноваться чего?.. А может, это старческое что-нибудь, а? Да не похоже вроде...»

В машине ехали почти молча, Виктор смотрел по сторонам, и казалось ему, что не было четырех лет отсутствия, никуда он не уезжал. Нет, его не задушили слезы счастья от возвращения на родину, вовсе нет, и возвращение было каким-то молниеносным, без сборов, без прощаний. Да и было ли это возвращением... О матери он старался не думать. Он боялся оказаться виноватым в том, что случилось, редко звонил, мама переживала, но эти знания не были столь уж проникновенны. Он не был мамой и не мог быть по природе своей.

– Ты сам-то как? – спросил Костя.

– Ничего, сносно всё...

Он не хотел говорить о себе сейчас.

– Ты всё-таки редко звонил... – Костя подтверждал его мысли.

Возле реанимационной палаты стояла Лена. Она смотрела куда-то в одну точку и не сразу заметила братьев. Виктор по её лицу понял, что приехали они слишком поздно.

– Что? – негромко спросил Костя у нее.

Лена чуть вздрогнула, повернулась к ним и покачала головой. Потом она подошла к Виктору, положила голову на его широкую грудь, обняла его и заплакала, не в голос, не взхлеб, просто тихо плакала.

И до, и после похорон Виктор почти не говорил, он только выполнял все указания, послушно и правильно, будто робот без плоти, крови и мозга. Он даже не смог заплакать, только ежистый ком в горле стоял все эти дни и никак не растворялся. После поминок, на второй день, Виктор немного пришел в себя, стал исчезать ком в горле. Он впервые поел не через силу, но очень хотелось побыть одному. Он очень любил и брата, и Лену, но тяготился ими сейчас без объяснения причины. Не было причины – хотелось побыть одному.

– Вить, мы не сказали тебе одной вещи, очень важной вещи...

Виктор очень внимательно посмотрел на Лену, говорила она. – Лен, дай мне ключи от маминой квартиры. Я поеду туда. Я сейчас хочу побыть один. Прости меня, ради бога...

– Ты меня не слышишь?

– Я слышу, Лен, слышу... Давай потом, ладно...

– Ладно. Но... Ладно, хорошо...

Лена довольно долго молча разглядывала Виктора, потом вздохнула и пошла за ключами.

Делая медленные шаги по большой маминой квартире, он нигде не останавливал взгляд, просто вышагивал по периметру комнат по нескольку раз. От пустоты квартиры, от жуткой тишины, безмыслия и тяжелого воздуха он стал тяготиться уже и одиночеством. Он ходил, пытаясь постигнуть хоть какой-то смысл в этих шагах, и, только когда присел на диван, понял, что безумно устал. Он вытянул ноги, подложил под голову подушку и тут же уснул. Спал он как убитый часов двенадцать. Наверное, спал бы и дольше, но разбудили голоса. Звонкий детский голосок растерянно спрашивал:

– Настя, а где же бабушка?

Монахов лежал спиной к двери в комнату и спросонья силился понять, чей же голос мог спрашивать про бабушку. И тут он услышал детское недоуменное «ой!» уже совсем рядом. Он перевернулся. В дверях комнаты стояла девочка лет пяти и смотрела широко раскрытыми удивленными глазами, излучающими такой неподдельный восторг, что Монахов не смог не улыбнуться в ответ.

– Папочка приехал!

Виктор от неожиданности принял сидячее положение, но девчонка уже бежала к нему обняла ручонками за шею и крепко прижалась своей нежной детской щекой к его трехдневной щетине.

Вот так он стал папочкой. Это и была та «важная вещь», о которой хотела сказать ему Лена, и по какому-то наитию он не стал ее слушать. Выслушать хватило бы сил, но возникли

бы вопросы, была бы какая-то подготовка, и чем бы всё кончилось, неизвестно, а здесь сразу и навсегда, без сомнений.

Год назад мама оформила опеку над девочкой. С Костей и Леной она не советовалась, просто поставила их перед фактом. Для них это была полная неожиданность, даже шок. Главное, она просила ничего не сообщать Виктору. Сказала, что сообщит сама, когда придет время. Какое время и когда оно придет, осталось загадкой навсегда. И еще большей загадкой для всех стало молниеносное признание папочки. Но с течением времени все загадки сделались ненужными, забылись прочно, давно канули в Лету и не всплывали никогда. Не было тайн – была дочь, единственная, любимая, неповторимая...

Странно, почему-то так отчетливо всплыли именно аэропорт Ниццы, кофе с Жюли и как она говорила, что теперь всё будет по-другому. Правду говорила. Значит, Изабелла Марковна общалась с Жюли...

– А если мадам Ломбер всё прекрасно поняла, то твой секрет, Витя, очень скоро станет секретом Полишинеля. Вопрос времени... Как видишь, не на облаке живем...

– Да... – согласился Монахов, подняв вверх обе руки, – не на облаке... И кто ее понес на фестиваль...

– Кого именно?

– А спроси что-нибудь полегче... Обоих, надо полагать...

– Так, значит, Изабелла поняла всё правильно?

– Поняла и поняла... Добавлять ничего не буду. Но это было давно, Коля. А вот не далее как сегодня, перед ужином, пошел окунуться, прихожу – Аня журнал читает... Какая-то про меня статейка пустая... Так... Ни о чем... Анька спрашивает, чего ты интервью не даешь, наврал бы про себя, про жену, и так вскользь: «А чего ты не женишься?» А меня напрягло. – А действительно, чего не женишься? – вполне серьезно спросил Баранов.

– Я понимаю, что люди чувствуют себя плохо, когда другому хорошо, но ты, Николай Эдуардович, вроде не из этих... – Это как посмотреть... Я меняюсь в худшую сторону... А если серьезно, Витюша, то прости, конечно, но я не могу понять одной вещицы... Ты человек скрытный... Но я знаю тебя со студенческих лет. У тебя всегда была душа нараспашку. Она и сейчас нараспашку, а для прессы ты закрыт, хотя тебе до прессы и до критики дела нет. Тогда почему закрыт? Что тебе до той атмосферы! Ты не хочешь, чтобы кто-то конкретно знал о тебе больше, чем подобает. Вот я сейчас выпил, а у пьяного на языке – сам знаешь... Хорошо, Марковна не пьет. Но... Узнáют... Помяни мое слово... Да я тебе уже говорил...

Коля усмехнулся. Саркастическая усмешка очень шла к его неожиданной бороде.

– Или я не прав, Виктор Станиславович?

– Ты лучше наливавай давай...

Баранов налил.

– Я понимаю, что это лучше, конечно, но есть такое понятие в металлургии «предел усталости», когда металл проверяется на разрыв. Вполне возможно, этот предел наступил...

– У кого?

– Ну, если не у тебя, так у дочери... Вот Анька тебя и провоцирует...

– Провоцирует... Эва как... И что дальше?

– Дальше – предел прочности и...

Монахову стало смешно от жесткого металлического голоса Коли.

– А ты зря смеешься, Витя. Законы физики еще никто не отменял.

– И что делать?

На этот вечный праздный вопрос ответа не бывает, а если и бывает, то его не знают, а если и знают, то не говорят. Но ответ прозвучал вполне проникновенно.

– Выводы...

– Ну почему здесь-то, сейчас-то, почему?!

Виктор опрокинул в пищевод еще порцию коньяка. Баранов многозначительно приподнял обе руки к темному небу.

В полной уверенности, что в одиннадцать вечера дочери еще в номере не будет, раздраженный мыслями отец задумал сесть на балкончике в одиночестве и предельно сосредоточиться после трехсот (как минимум) граммов коньяка. Именно после граммов и сварится что-нибудь эдакое глобальное, именно после граммов... Но дочь в номере была, и не одна. Детки – Анна, Лора и юный кавалер – мирно играли в карты. – Ой! Дядя Витя! Как я рада вас видеть! – Лорка чмокнула его в щеку. – Такой вы мне сюрприз сделали в виде Ани, вы даже не представляете.

– Ты всё хорошеешь, пончик...

Лора весила на пять кило меньше Аньки, но при этом была на сантиметр выше.

– А то! Что нам остается. Ой! Знакомьтесь. Это наш дружок Андрюха.

Дружок Андрюха отложил карты, встал. Монахов протянул ему руку.

– Виктор.

– Очень приятно. Андрей. А по отчеству вас? – спросил кавалер.

– У меня длинное отчество. Поэтому давай без отчества.

– Неудобно как-то..., – Он слегка замялся.

– Удобно, удобно, – весело сказала Анька.

– Это ничего, что мы тут вот пульку расписываем? – спросил Монахова юноша. Так серьезно спросил... Приятный парнишка. Не всякий одиннадцатилетний играет в живой преферанс, сейчас в моде больше виртуальные игры.

– Расписывайте на здоровье.

– Пап, а ты в курсе, что послезавтра утром мы едем... Куда, Лор, мы едем?

– На Тархан-кут. На подводные съемки.

– В курсе, в курсе. Отпросил уже тебя Николай Эдуардович под свою ответственность. Только я тебя умоляю!

Он строго погрозил Ане не совсем прямым указательным пальцем.

– Пап, мне вообще-то 19 лет уже, – усмехнулась Анька.

– Вот именно поэтому.

– У нас мужчина есть, – Лорка кивнула на Андрея. – Он нас в обиду не даст.

– Ну, это само собой...

– Я уже страшно взрослый, – отозвался мужчина, – скоро двенадцать стукнет. И в обиду я их не дам...

– Да, не молод уже...

Монахов внимательнее посмотрел на Андрея. Взрослости в мальчишке было не больше, чем на двенадцать лет, и потрепанным жизнью ребенком он не выглядел. Но движения его рук, глаз, вдумчивое покачивание головой указывали на человека вполне самостоятельного. Он в свои почти двенадцать уже принимал решения, и, наверное, не только в картах. Самое забавное, что Аня, будучи в его возрасте, тоже принимала решения вполне адекватные и одобрение отца ей нужно было лишь формальное...

Казалось, что Андрей немножко напрягается от столь пристального взрослого взгляда. Видимо, это показалось и Аньке – она среагировала моментально.

– Андрюш, ты папу не бойся. Если б ты ему не понравился, он бы себя по-другому вел, поверь мне.

– Да я и не боюсь...

– Кстати, пап. Оказывается, Андрей наш сосед. Вот, через стенку. Он с мамой отдыхает.

– Теоретически...

– Это как? – переспросила Аня.

– Мама отдыхает теоретически. Она работает на самом деле.

Монахов сделал вид, что удивился. Ему не очень было интересно, работает мама или отдыхает, но что она понятия толком не имеет, куда собрался ее сын, это сто процентов. Но отпустит его на Тархан-кут... Не без опаски, но отпустит. Решение им принято, а формальное согласие мама уже дала, по словам Баранова. Значит, верит сыну, как Виктор верит своей дочери.

– А у вас очень знакомое лицо, – сказал Андрей, чуть покраснев, – я вас точно видел... Вот где не помню... Но я вспомню...

– Да не парься, Андрюхин, – прыснула Лорка, – по телевизору... Дядя Витя иногда и в кино снимается... Жаль, нечасто... Твое слово, вообще-то...

– Семь первых... Точно... в кино...

– Вот так вот сразу и семь первых. Я пас.

– Я тоже, – Лорка задумчиво почесала нос, – ляжем, Ань?

Аня согласно разложила карты.

– Своя игра... Согласен? Восемь не дадим...

Монахов смотрел на всю компанию, не зная, чем заняться. Молча созерцать карточную игру не хотелось, и он решил поинтересоваться, каким образом Андрей познакомился с Лорой.

Спросил он у Андрея, но ответила Лора:

– А я сама с ним познакомилась. Папе нужен был мальчик на эпизод, вот я Андрейку-то и нашла. И очень рада. Он меня еще и плавать подучил. Он, кстати, разрядник.

– Быстро ты тут сориентировалась после «трагедии».

– Дядя Вить, я вас очень прошу: не сыпьте соль на рану...

– Молчу... А тебе, Андрюш, дебют в кино как?

Андрей посмотрел на Виктора и опять немного покраснел. – Если честно – доволен страшно. Интересно, правда...

– Самое интересное, что мне в следующей картине нужен плавающий мальчик твоего примерно возраста.

– «Юность Ихтиандра»? – усмехнулась Лорка.

– Ну да, что-то такое... Согласен, Андрей, сняться у меня?

– Конечно, согласен. Только я не в Москве живу – в Питере.

– Так сам Бог велел! Я как раз там и собираюсь снимать...

– Меня так папочка ни разу не снимал, – возмутилась Анька, – Ой, а я, похоже, упала...

Андрей и Лора многозначительно переглянулись и сказали, что не возражают. После прикупа и сноса Лора улыбнулась. – Ну-ка ложись, Эндрю. Сейчас мы ее слегка... Дядя Вить, посмотрите на дочь в роли тонущей девочки: может, пригодится...

Детки давно разошлись. Анька честно уснула от избытка впечатлений за первый день отдыха, Монахов же ходил по своей комнате из угла в угол без всякой цели. Он привык работать по ночам, а здесь надо было отдыхать. Может быть, к лучшему, что Анька уедет: на Тархан-куте будет не до него. Он топтал диагонали уже почти час и всё никак не мог сформулировать вопрос себе самому, множество вопросов двигались в голове броуновскими молекулами, но четкий нужный не выстреливал.

«Провоцирует она, видишь ли... Задело тебя? Задело... Взбесило?.. Да вряд ли... Это ведь, по сути, нормально.

Нет, что-то определенно витает в атмосфере. И воздух вроде свежий морской, не душно, но тумблер какой-то щелкает. А что... Если любви все возрасты покорны, то женитьбе и подавно. Может, и вправду – пора? И дело даже не в любви и не в женщине... Нет, подожди, а в чем же тогда дело? Именно в любви, именно в женщине! Это ж надо найти женщину, полюбить или сначала полюбить, а потом найти. А где найти и как полюбить? Где полюбить – понятно. Как найти – да как-нибудь. Всё сводится к элементарной, банальной пошлости. А если серьезно, женитьба предполагает комфорт, а будет ли покойно душе часто видеть пред-

мет вождения? Слова-то какие многозначительные... Предмет... Вождение... Но как-то больше пары дней... Нет, конечно, можно и больше, но... Анька никогда не была злой... Чего она вдруг? А может быть, Костя всё-таки болтанул лишнего? Нет... Исключено! Но имя-то прозвучало? Ну и что! Нет... Чушь всё это... Ничего, дорогуша... Послезавтра уедешь, поплаваешь в чистой водиче, рыбок помотришь, впечатлений нахватаешься и забудешь... А если не забудет? Ну, почему здесь-то?! Почему сейчас?! Действительно! Если жениться, то почему не здесь, не на отдыхе?! Найду женщину где-нибудь в Гурзуфе, за киоском. Будем жить-поживать, добра наживать, купим яхту (кстати, мысль!), домик у моря и окочуримся в один день! Как красиво... Нет, это надо выпить. Вот так и спиваются люди: не от творческих мук, не от того, что тебя все не поняли, не от горя, а вот от таких праздных вопросов в лоб. Почему не женишься, папа? Да не хочу, бл...! Да, я понимаю: Аньке плохо без матери, она не может сказать мне то, что сказала бы ей. Но это же еще надо так вписаться в интерьер чужой тёте, чтобы моя Аня, мое создание, могла ей сказать какие-то заветные слова. Но Аня не твое создание, Витя... Нет... Это нет, это невозможно... Это мое, мое создание! Хорошо, не запил, сильным оказался, но яхта, домик и всё прочее сияние – не я, мой портрет в интерьере! Пусть мастерски сделанный, пушистый и вполне белый, но... ради дочери... ради дочери... Нет, выпить все-таки надо. В бар, пропустить стаканчик джина!»

Но дошел Монахов только до лифта. Постоял немного возле шахты и побрел в самую глубь коридора, в самый торец, к мягкими креслам и столику, загончику для таких вот, ищущих. Усевшись в кресло и воровато осмотревшись, он положил ноги на столик, вытащил из кармана телефон и набрал брата. – Костя... Это я...

– Ни за что бы не догадался.

– Вопрос один есть... Мне тут Анна заявила, что она всё знает, что Костя ей всё рассказал...

– А что конкретно она знает и об чем ей Костя рассказал?

– Что конкретно, не сказала... Спросила, почему я не женюсь...

Монахову показалось, что Костя ухмыльнулся.

– А она тебя в первый раз об этом спросила?

– Представь себе, в первый...

– Ну и зря... Я бы на ее месте спрашивал бы каждый день, раз по пять, пока не сломаешься. А кстати, почему бы тебе не жениться, ты надоел уже.

– Кость... Я серьезно с тобой разговариваю. Не ляпнул ты часом ей чего-нибудь такого... Или Ленка?

– Витя... Я б тебе сам ляпнул щас... Звонит в час ночи, несет пургу какую-то... Девочка задала тебе нормальный взрослый вопрос. Ей девятнадцать лет уже... Девятнадцать! Она хочет понять своего придурочного отца. Она же не знает, что у него случаются подружки-забегушки иногда...

– Я не пойму, ты завидуешь?

– При чем тут я?! Не я задаю вопросы. Аня мыслит глобально, как все дети. Она же знает, что в шоу-бизнесе половой вопрос решен полностью и окончательно, вот и волнуется.

– При чем тут шоу-бизнес?

– Витя, мы сейчас не о терминологии говорим, а о серьезных вещах, как ты сам выразился... Анечка прощупывает почву.

– Анечка не дура!

– И я о том же! Ты спросил – я ответил. Вот и иди в жопу, а лучше к доктору. В Крыму, говорят, доктора хорошие, классическая советская бальнеология. Загляни на досуге!

Костя отключился. «Смешно... Отчего-то всплыли барановские слова о мадам Ломбер, о секретах Полишинеля. Изабелла Марковна молодец, правильно всё поняла, вот и пусть себе болтает, слухи же без преград. И будешь ты, Анька, француженкой, хотя бы наполовину.

Вполне забавно. Пургу я ему несу! А сам он не пургу?! Родной братец! А может, он прав насчет почвы? Обложили, суки, со всех сторон... Хэнде хох, брат, капитулирен! Отползай к бару... Надо всё это пресечь на корню!

* * *

Витя добрел до окна, взялся за ручку, но не решился открыть. Обычно растворял окно настежь, вдыхая свежее утро отдохнувшего за ночь города, а сегодня уже не утро, дневной воздух ничего не изменит. Зверски хотелось не столько свежести, сколько чего-нибудь кисленького: вишенки, например, мясистых или алычи. А не было даже простого лимона... «Что мы тут пили вчера? Ром, что ли, кубинский? Да... Ходили к таксистам, не хватило, водки не было, взяли ром. Прояснилось, как взяли ром, а дальше – провал... Не хватало еще амнезиями страдать для полного счастья. Этот ром – чародей, этот ром – баловник, давал же зарок пить только водку и виски, ром – не твоя стихия. Еще не известно, что с лицом: а если перекося, а если мешки, а если уши вскинулись...»

В зеркале виднелись, на удивление, лишь легкий отек и незначительные потертости. Больше впечатлял прочный классический дыб вместо вчерашней укладки, который не поддавался средствам малой механизации... «Ух-ух-ух... Что ж тут вчера творилось? Спросить не у кого. Где люди?... Кто их видел? Может, на кухне? Все страждущие утром стекаются на кухню в поисках заветного «а вдруг!?!». Но и там безлюдно, и мерзко смердели бычки, уплотненные почему-то в литровую банку. Недоеденный салат тоже оптимизма не прибавлял... Кухня, его гордость, тщательно отделанная, выстрадавшая кухня... В мойке гора посуды с разбитой чашкой на вершине; на разделочном столе растекшийся, начинающий усыхать помидор; в открытой хлебнице осиротело розовел совсем не глубокий бюстгальтер, чего им можно прикрыть, непонятно, потому, наверное, и валялся здесь среди крошек... Витя нервничал, не способный к деяниям. Единственное, на что хватило, – стереть со стола помидор содержимым хлебницы и закрыть литровую банку с бычками пластиковой крышкой... На этом синдром Золушки иссяк, выдавливаемый более серьезным синдромом. Телодвижения не радовали внутренние органы, сосуды на висках пульсировали с опасной частотой. Выход был только один – большая вода, суметь дотащиться триста метров до канала, а там что-то улучшится.

До канала Витя добирался медленно, истекая потом. Полотенце на подходе к воде было уже практически мокрое. Но добрался. Вышел на пляж. Абсолютно пустой пляж! Лето, солнце и никого! Никак от кубинского и глаза лопнули... Он завертелся во все стороны света, приглядываясь, узрел всё-таки одну лежащую фигуру, успокоился и рюхнулся в воду. В воде Витя оживал, всегда оживал, почти сразу, фыркал, крутился, плавал всеми стилями, постепенно возвращаясь в себя. Но когда выбрался на сушу – моментально оценил пустоту пляжа, обдало таким ледяным ветерком, что возвращенное тело тут же упало на полотенце. Именно такого ветерка и надо было! Все негативные вещества выдулись, охватило сказочное позитивное блаженство, и закрылись замутненные пока еще глаза... Он уснул... Но ветер со временем усилился, начал надоедать и зло будить. Витя приподнял голову, увидел, что совсем рядом сидит в позе лотоса совершенно незнакомая девица, разглядывает сверху его спину, рисуя что-то на песке, и снова опустила голову на полотенце – не держалась пока голова.

– Привет! Мертво спишь... С бодуна?

Милый участливый голос, чуть низковатый и не бесит, даже греет на ветру.

Витя не ответил, не напрягся, только глубоко вздохнул.

– Поняла... Скажи хоть, какой это берег – левый или правый? Мне, на самом деле, всё равно, я в контакт пытаюсь войти. Здесь в пустыне больше не с кем общаться.

Говорить Витя не хотел, но не слушать повода не было.

– Вот я и смотрю, такой понятливый человек. Дай, думаю, пойду пообщаюсь.

«Скажи бедной девочке честно: у тебя есть где жить?»

Он не поднял головы, промолчал. Что тут скажешь, Москва – город маленький, город улыбок...

– Я серьезно...

«Серьезно... Забавная девчонка... Шорты с ляпочками, белоснежная футболка «Адидас», настоящее всё, новенькое, чистенькое.

Витя, ты интеллигентный человек, хоть и полугнилой, конечно, хоть и с похмелья, но... Надо подняться на ноги, свернуть полотенце, накинуть рубашку, надо идти домой, если объект не опознан, сделать вид, что спешишь». Он поднялся, свернул, накинул и вдруг алчно захотел горячего супу. Дома не было супа, но очень захотелось похлевать.

– Супу хочешь? – спросил Витя.

Она улыбнулась – не виновато, не обиженно... А Витя, смахнув песчинки с бровей, посмотрел на ее руки – не специально, просто попались на глаза.

– Не хочу...

Она по-гусарски приложила ко лбу два точеных пальца и зашагала к своему логову – сумке и большому пляжному полотенцу. Аккуратно запихала в баул полотенце, выпрямилась, заложила руки за голову, скрестив на затылке ладони, и продолжала стоять к нему спиной, обдуваемая ветром.

Витя сделал шаг и еще один, пошире... Будь пляж хотя бы чуть-чуть заполнен, пусть десятком всего человечков, самых любимых, самых никаких, невзрачных, он бы не двинулся в ту сторону. Но было всего двое – водитель и пассажирка. Он делал шаги из-за контраста. Через пять минут всё могло бы измениться бог весть в каком направлении, запросто могло.

«Пять минут, пять минут»... Он переставлял ноги по песку, в движении взвесил на ладони ее сумку.

– Цветные металлы?

Девушка вздрогнула. Не заметила его.

– Напугал...

– А ты вся в себе? Пошли... Или ты роль на мне разучиваешь?

– Почему роль?

– Тогда пошли... Тебя как звать-то, странница?

– Доздраперма.

Он шел в среднем темпе, «тетенька» шла рядом и молчала... Она вполне могла сказать: «Ну, ладно, я пошутила» или спросить: «А куда мы идем?» Тогда бы Витя просто разжал руку, сумка упала бы на тротуар характерным шлепком, а он почапал бы дальше не оборачиваясь.

Витя открыл дверь, занес сумку и поставил ее под вешалку. – Заходи, не стой под стрелой! Будь как дома, но не забывай, что в гостях.

– А ты... один?

– Нет, к сожалению. Отец, мать, две сестры, брат с женой, племянник. Они на работе сейчас все, племянник в лагере в пионерском. Но это ничего. Семья у нас простая. Живи на здоровье, пока не приперлись, а там, как повезет, может отобьешься... Ты, вообще, животных-то любишь?

– Я же сказала, что есть не хочу.

– Прекрасно, тогда нас ждут великие дела...

Витя обвел рукой объем комнаты, стоя спиной к гостю.

И, не поворачиваясь, спросил, есть ли у нее паспорт.

– Есть... Показать?

– Да шучу я, зачем мне твой паспорт. И так ясно, что ты Доздраперма.

– А я так полагаю, что не совсем!

И таким нержавеюще-стальным прозвучала фраза, что Витя из интереса повернулся.

На его доброе лицо совсем недобро глазело блестящее дуло дамского «вальтера».

– Шутить буду я теперь...

– О! Злая какая. И это стреляет?

– Само нет, но если на курок надавить слегка пальчиком...

– Разве что слегка... На всю родню, милая, патронов не хватит. Ты чего, в ГИТИС какой-нибудь не поступила?

– Ты уже спрашивал... не угадал...

– Не наскучило еще шутить?

– А ты прямо и не боишься?

– А я прямо и не боюсь... Уж очень он деревянный. Из дуба?

Она протянула ему пистолет несколько разочарованно.

– Из груши... Как догадался, что он деревянный?

– Долго объяснять, знаешь, и нудно. Хотя впотьмах, пожалуй, проканает. Как тебя зовут, на самом деле?

– На самом деле Марина...

– А меня зовут Виктор Станиславович...

Марина тут же встала по стойке смирно.

– Очень приятно, Виктор Станиславович! Разрешите пожить у вас недельку, Виктор Станиславович?! А там придумаю чего-нибудь...

– Чего ты придумаешь? Как говорят французы, не рагі тиги. Выгнать я тебя всегда успею. Может быть, я к тебе привыкну. Здесь три комнаты.

– Разрешаете?! За... услуги?..

– А ты на халяву хотела отсидеться? Нет, дорогуша. Швабра в ванной, мешать не буду. Ты извини, я очень спать хочу...

Он действительно хотел спать. И очень... Марина чего-то еще говорила, но слова уже не занимали. Сон сшиб мгновенно, как только он прикоснулся спиной к кровати.

Спал долго. Наверное, долго... Телефон разбудил. Витя, тяжело вздохнув, недобро хмыкнул в трубку.

– Здорово... Конечно, разбудил. Не, я не пойду. Не хочу. Мне еще бардак разбирать. Какие телки! Не надо никаких телок. Я сам разгребусь. Гош, отстань, а?.. Давай завтра. Звони завтра. Пока.

Трубку он положил, попытался встать, но ватная голова будто приклеилась к подушке.

– Начались в деревне танцы... – пробубнил он в потолок и закрыл глаза. Но ненадолго, сон ушел, как последняя гадина. Витя лежал с открытыми глазами, осознавая, что надо вставать, убирать жилище, а голова мутная, полночь не за горами, и вообще...

– Проснулись, Виктор Станиславович? Как спалось?

Витя крайне удивленно повернул голову на голос. Он вспомнил, не сразу, но вспомнил. Это ж надо было так отрубиться. – Спалось, – ответил он – Представляешь, из башки вылетело, что я тут не один.

– Представляю... Может, водички?

– Да, может и водички.

Витя все-таки заставил себя сесть, пока гостя ходила за водой. Он жадно выпил полный стакан, с шумом выдохнул, медленно поднялся с кровати и направился к туалету.

Витя смачно таял, как сдувающаяся камера, и автоматически приходил в себя. Войдя из туалета в ванную, он слегка остолбенел: все сияло и страшно радовало глаз. Он аккуратно помыл руки, вышел в коридор, оттуда в гостиную – всюду была нереальная чистота. И как же эта чистота называется? Неловко, надо вспоминать... Мария... Маша!.. Нет, что-то морское... Марина! Точно, Марина.

– Нет, слов... Марина...

Витя выдержал небольшую паузу – имя не уточнилось. Значит, правильно вспомнил. Есть еще похрен в похреновницах!

– Шикарно! Спасибо тебе... Большое человеческое спасибо! Чего ты там давеча говорила?.. Недельку? Живи себе спокойно сколько хочешь и не придумывай. Правда, тут не всегда тихо, набегивают, кочевники всякие, блядуины. Но к тебе они и близко не подойдут. Давай я за это тебе что-нибудь приготовлю. Уж это я умею!

– А всё уже готово, Виктор Станиславович.

– Не понял – и поесть можно?! И вкусно?

– Ну, это уж как покажется...

Показалось как подобает. Витя уплетал настоящие вареники с картошкой, обсыпанные золотисто-обжаренным лучком, походя в профиль на дикого, дорвавшегося до еды барбоса. Когда глаза осоловели и уплотнение желудка достигло нездорового максимума, он откинулся на спинку стула и легонько похлопал себя ладонью по груди.

– Вот теперь я понимаю людей, которые не нахваливают повара. Кому по настоящему вкусно – тот молча жрет и боится чего-нибудь упустить. Уважила! Честное слово! А руки-то у тебя зо-ло-тые! Вареники, пистолет... Или пистолет не ты смастерила?

– Я. Что-то меня приперло пистолеты варганить. Шесть стволов друзьям раздарила, и все разные, точные копии, между прочим...

Витя недоверчиво посмотрел на ее руки, которые отметил еще на пляже.

– Вот этими вот ручками?

– Вот этими вот самыми. А за орудием производства надо ухаживать.

Витя встал и поклонился в пояс.

– Одно только смущает меня во всей истории. Что если твои родители тебя, такую золотую, хватятся и загребут восвосяси? И не будет больше вареников и чистой квартирki. А деньги ты не рисуешь?

– Какой же вы, Виктор Станиславович, циник.

– Да я, вообще, малоприятный тип. А так с виду не скажешь, да?

– Почему... Типичный такой с виду малоприятный тип... Как ты меня сюда впустил-то?

– Да я и сам не понимаю. Считай, что с большого бодуна. А назад дороги нет! Москва позади...

* * *

Дело шло уже к полудню, но вчерашний слишком мощный и неожиданный электролиз мозга опустошил и расслабил. Пустому и слабому всё равно, куда катится день, – к полудню или наоборот. Отрывать голову от подушки не хочется, руки-ноги сгибать в локтях и коленях... Не то чтобы нет сил – как раз есть. Вопрос – зачем те силы нужны, коли так всё запущено. И еще гадкий желудок вызывает к завтраку, который безнадежно пропущен. На калории намекает, мало ему. Да... Не голодовку же объявлять! Пусть первый вечер комом, но остальные должны быть простыми и здоровыми, если уж и следовать намекам родных и близких... Это у Горького «человек выше сытости» – так то на дне, я на плаву пока. Рука потянулась, обняла мобильный, выключенный накануне. Тут же квакнула эсэмэска. От Аньки... «Папа, что происходит? Здесь тебя все ищут!»

Кто еще?! Монахов, возмущенный, тут же оказался на ногах. Кто?! Черт возьми, здесь, на отдыхе?! Только этого не хватало! Был порыв позвонить, возмутиться, но разумнее незаметно подойти к пляжу и оценить ситуацию на месте, а, оценив найти уголок, где искать его никому в голову не придет. Правда, в таком уголке и перекусить вряд ли удастся, но до обеда можно и дотерпеть в крайнем случае.

Монахов вполне конспиративно окучивал взглядом пляж. Деток он заметил под теневыми решетками. Они сидели в шезлонгах, лицом к морю, и мило беседовали, причем в центре сидел Андрей, а по бокам девушки. Парню явно фортило в этом сезоне. Но более никаких знакомых лиц Монахов не узрел. Он тихо подошел, можно сказать подкрался, к детям, и, стоя за Анькиным шезлонгом, тихо спросил у дочери: «Ну и как понимать твои послания?» Аня вздрогнула от легкого испуга, но тут же сориентировалась и сказала, но не отцу, а Лорке:

– Ну что, проспорила, Лорштейн?

– Ладно, с меня причитается...

– Ты мне-то ответь, – еще раз спросил Монахов.

– Это, пап, мы тут поспорили, как тебя вытащить на пляж. Я говорю, что пошлю эсэмэску, которую ты прочитаешь и сразу же проснешься от возмущения. Сработало же!

– Сработало, радуйся... Я, между прочим, проснуться-то проснулся, а вот на пляж бы взял да не пошел бы...

– Ну а куда б ты делся, пап? Что тут еще делать? Сам сказал – тупо будешь лежать на пляже...

– Да... Действительно... Ну и на кой я вам тут нужен? Лежу себе и лежу – никого не трогаю.

Он присмотрел рядом свободный топчанчик, положил на него полотенце, присел и спросил, есть ли в пляжном баре кофе.

– Есть, – ответила Лора, – хотите, мы принесем...

– Хочу... И мороженое хочу... Вы пока несите, а мы с Андреем сплавим. Пойдешь, пловец?

– Пойдемте, – охотно отозвался Андрей.

Разумеется, Аня не просто так выманила отца на пляж. Она от своей идеи не отступилась. Между разговорами с друзьями она активно присматривалась к загорающим женщинам, выделяя одиноких. Одинокими для нее были те, кто загорали без мужчины. Истинную степень их одиночества Анькин «опытнейший» взгляд вряд ли бы определил, но тем не менее она выделила из довольно приличного количества дам всего трех, которые ей внешне приглянулись. Очень хотелось увидеть их реакцию на папу, ну а если повезет, то и папину на них.

Виктор с Андреем, довольные, взбодренные хорошим заплывом, подходили к логову. На топчане стоял поднос с кофе и мороженым.

– Вот это сервис... Спасибо, девчонки, – тепло поблагодарил их растроганный отец, присаживаясь на топчан.

– Как сплавалось, папá?

– Шикарно, просто сказочно. Бодр, где-то даже весел. Кстати, Андрюха-то и вправду силен. Меня легко обошел. Всё, брат, заматано, уже окончательно. Будешь сниматься.

Монахов удовлетворенно вкусил ложечку мороженого.

Аня хоть и спросила, но ответ слушала вполуха; пристальное внимание было сосредоточено совсем на другом. Она вычислила, кто из трех выбранных «жертв» наиболее часто присматривается к их компании. Лежбище было так удачно расположено, что если смотрели в их сторону, то смотреть больше было не на кого: ни за ними, ни рядом с ними никого не было. Ну а на кого в такой компании приличная дама будет смотреть? Только на папу. Когда папа уходил к морю, взгляд был обращен опять же на него.

Часа через полтора решили отправиться на обед. После обеда вернулись, конечно, не сразу, но опять в насиженное местечко. Ни одной из трех дам на пляже уже не было. Аня повертела головой, но тщетно. «Ну и ладно... Невелики птицы», – отметила она про себя разочарованно. Андрей принес игру «Пентаго», которую знала, кроме него, только Лора. Но игрушка увлекла и Аню, и Монахова. Поскольку играть можно было только вдвоем, стали играть на победителя, периодически окунаясь в море. Монахову, как новичку, везло: он выиграл три раза

подряд и попросил Аню сходить в бар за водичкой. Аня послушно туда направилась, но вдруг в этом самом баре она увидела предмет своих наблюдений и даже немножко обрадовалась возможности разглядеть поближе. Девушка встала из-за столика и направилась к пляжу, к тому самому месту, где и была. Она, видимо, только что пришла. На ней был такой элегантный морской костюмчик, в руках большая красивая пляжная сумка, не дешевая, как показалось Ане.

Аня поставила перед отцом большой стакан воды со льдом и сообщила, что сейчас ее очередь.

– Давай, рискни, – бросила Лорка, – мы купаться пойдем.

Лора с Андреем удалились. Аня всё крутила в руках шарик, не решаясь поставить его в ячейку.

– Пап, – прошептала она заговорщически и чуть задумалась. Хотя шептать было и ни к чему, девушка не могла слышать их разговор.

– Что? – спросил Монахов.

– Пап... Не поворачивай явно голову. Выбери момент как бы... Сзади тебя мадам в белом купальнике. В фуражке морской. Ты ее знаешь?..

Аня положила шарик в лунку. Монахов потянул воды из трубочки, изловчился, посмотрел.

– Не знаю... – ответил он равнодушно. – А я должен всех мадам знать, по-твоему?

– Нет... Но она на тебя так смотрит, прямо всю спину просверлила, как будто знакомая.

– Была бы знакомая, подошла бы... Ты это, вообще, к чему? – Отец подозрительно взглянул на дочь.

– Не-не, ни к чему... Так, просто...

Анька чуть было себя не выдала. Она активно стала закладывать шарики, и так бездумно, что тут же проиграла.

– Партия, – объявил Монахов, – ладно, пойду окунусь: перегрелся.

Он направился к морю, но украдкой всё же кинул взгляд еще разок на девушку в морской фуражке. Девушка минуту спустя достала из сумки телефон: видимо, позвонили. Поговорив недолго, она сняла фуражку и быстрым шагом пошла к морю. Анька, конечно же, наблюдала за ней. Вопреки ожиданиям девушка окунулась, отплыла метров на тридцать от берега, затем вернулась, постояла под пресным душем, оперативненько собралась и удалилась с пляжа. Но удочка отцу была уже коварно закинута. Анька потеряла руки. «Посмотрим, посмотрим, что будет через неделю...» – промурлыкала она себе под нос.

Детки укатили очень рано. Монахов просил его не будить. Не будили. Он позавтракал, сходил искупаться, но на пляже решил не валяться. Гуляли густые облачка, солнце почти не высывалось. Виктор решил, что это очень кстати: можно пешочком прошвырнуться в Гурзуф, пошляться по городу, купить на рынке фруктов – благо было не жарко, солнце не палило, заодно и лишний жирок растрясти. Он так и сделал. Дошел до городка, пошлялся, вспомнил молодость. Хотя изменилось очень многое, но облик Гурзуфа и его колорит всё же сохранились. Он заглянул на выставку какого-то местного художника, купил Аньке очень миленький авторский магнитик (она собирала именно авторские), пообедал шикарным шашлычком из молодой баранины, купил фруктов, и, довольный, приехал назад на такси. Удалось даже немного поспать в номере. На ужин он решил не ходить в послесонном состоянии. Принял холодный душ. В голове прояснилось. Солнце выглянуло, пока он спал, и хотя падало уже к линии горизонта, но нагреть пространство под собой успело.

Монахов намыл персиков и крупных сладких зеленых слив, вскипятил чайник, вынес всё это на лоджию, уселся в мягкое кресло, схрюпал половину персика, запил чаем и, пытаясь разобраться, скучно ему одному или не очень, закурил сигаретку, глядя на краснеющее светило в ультрамариновом небе, вслушиваясь в забалконные звуки. Хорошо бы шум моря, накаты волн на волнорезы. Но был полный штиль. Жарко... Но чертовски приятно...

– Судя по запаху дыма появились курящие соседи?

Женский голос из-за балконной перегородки обращался явно к нему, дымил он безо всякого стеснения, совершенно не думая о соседях, да и соседи были только с одной стороны.

«Андрей уехал... Ах да, мама, которая отдыхает-работает... и, наверное, не курит. Пардон, пардон. Свет в окне в глаза не бросается. Ну и что? Глупости малозначащие занимают тебя, Витя. Что значит отдых! В конце концов, ты на своей территории, а ветер в ту сторону не дует, его вообще нет». Монахов повернул голову к голосу медленно, без суеты, никого не увидел, виниться не стал и услышал продолжение.

– Тут дело такое... Сигареты кончились, как назло. Спускаться в лом, честное слово... И курю не так часто, а тут вдруг пробрало...

Другое же дело совсем, понятное дело. Он взял в руку пачку, хотел было подняться, но почти перед носом, как раз на длину вытянутой руки, появилась пустая картонная коробочка из-под конфет.

– Положите, пожалуйста, сюда, а то я в разобранном виде – приличному человеку не покажешься.

– Я не очень-то приличный...

– Тогда тем более...

Монахов положил в коробочку пару сигарет, сочтя такой ход со стороны «разобранной» дамы вполне остроумным, и спросил:

– А вы, стало быть, мама Андрея?

Мог бы и не спрашивать: это и так понятно – вот оно, бездумное прозябание. Мама Андрея ответила не сразу:

– Она самая... Сынулю вся округа уже знает.

– Он у вас на редкость коммуникабельный.

– Да уж... Я вот его отпустила сдуру неизвестно куда, а этот коммуникабельный еще и телефон дома забыл. Или специально оставил, чтобы мамочка не докучала лишним вниманием. Вы меня извините, пожалуйста. Спасибо за сигареты. Я просто устала, с ног валюсь.

Монахов хотел предложить соседке держать связь с сыном через Аню и уже было открыл рот, но передумал, не открыл: к чему лишние напряжения усталому человеку. Потом, при случае, если таковой представится, конечно. Монахов мысленно разговор закончил и даже поднялся с кресла, но услышал еще вопрос, вернее целых два сразу:

– Не знаете случайно, где этот Тархан-кут? Там не опасно?

– Не беспокойтесь, не опасно.

– Успокоили... А то отправила Андрюху с киношниками туда. Вы случайно не киношник?

– Ну, так... с боку припека... Но того, с кем ваш сын уехал, волею судеб знаю: человек ответственный, всё будет в порядке, не волнуйтесь...

– Да я особенно не волнуюсь, но хочется лишний раз услышать, что там не опасно... Засуетилась с этой работой... У меня проект в Никите. Сюда три дня не удавалось вырваться, с сыном пообщаться. Вы меня извините, пожалуйста. Спасибо за сигареты еще раз. Спокойной ночи вам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.